

Николай Гуськов

**НЕИЗВЕСТНЫЙ**

Николай Гуськов

**Неизвестный**

«Издательские решения»

**Гуськов Н.**

Неизвестный / Н. Гуськов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930205-2

Обычный редактор издательства, утром вдруг находит рукопись в почтовом ящике неизвестного автора. Книга оказалась настолько хороша, что после публикации она стала бестселлером, но автор остался в тени. Словно призрак, писатель продолжил присылать свои работы, но так и не желал показать себя миру. Главный герой озаряется идеей найти его.

ISBN 978-5-44-930205-2

© Гуськов Н.  
© Издательские решения

# Неизвестный

## Николай Гуськов

© Николай Гуськов, 2018

ISBN 978-5-4493-0205-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Смотря в зеркало, я вижу скуластый лик, рыжие волосы, большие глаза, но важно ли это? Нет. Ведь воскресным утром, опьяненный безумным энтузиазмом жизни, я решил провести свой почтовый ящик. Там лежала книга, рукописное название на первой странице гласило: «Омерзительный Человек.», Это удивило не столь сильно, как само прочтение этой книги.

Я работаю в местном издательстве, мы публикуем никому ненужные чтива, и продаем за гроши. Подписываем контракты с никчемными, но амбициозными писателями, домохозяйками, вдруг озаренные высшей идеалистической идеей, но, по существу, лишь осатаневшие от сутолоки своего порядка. Но эта книга, словно глоток свежего воздуха, в окружении смрада.

Так. Она тебе понравилась. Но здесь нет имени.

Имени не было, просто книга, написанная никем, подкинутая в мой почтовый ящик никем, и прочитанная – никем.

Очередной фальшивый странный писатель?

Нет. Милая Бэтси. Я думаю ему есть, что вправду скрывать.

Придумал бы псевдоним.

Я рассказываю все своей коллеге редактору Бэтси Эддингтон. Она недоумевает так же ярко, как и я. Все происходит забавнее некуда: Мы сидим в подсобке и полусшепотом разговариваем. Обычно в ней мы по иному делу. И, в отчаянный момент, к нам заходит директор.

Он отворяет дверь, и дезориентировано взирает своими зенками, скрытыми под толстыми линзами очков.

– Что вы тут делаете? – Спрашивает он.

Вдруг мы синхронно отвечаем:

– Читаем книгу.

Мы сидим в кабинете директора, он надел галстук, походивший на супрематическую картину. Темные складки на белой рубашке. Очки вечно сползают на кончик носа. Виднеется плешь, которая вскоре, наверняка будет закрыта париком. Неповоротливый увалень-директор говорит:

– С тем, что вы, как дурачки, читали в подсобке мы разобрались. Но что за книга?

– Я ее нашел у себя в почтовом ящике, тот, кто ее написал явно знал меня и мою работу, это все хорошая история для писателя, не так ли, шеф?

Он ухмыльнулся, быть может оттого, что я возвышаю человека, написавшего эту книгу, либо от моих дедуктивных и детективных домыслов.

– Дайте ее сюда. – Гаркнул он.

Я небрежно швырнул ее на стол, сам не знаю, почему.

Он посмотрит, что за книжонка. Так он сказал.

Мы ушли из кабинета. Кабинета – с деталями классического стиля. Кабинета – с высокопарным выставлением охотничьей атрибутики. Кабинета – столь нелюбимого мною. Но важно ли это?

Загадка о книге существует, но так существует моя личная жизнь, поэтому я спросил Бэтси, свободна ли она вечером.

– Определенно. – Другого ответа я и не ждал.

Официантка то безотрадно снует вокруг двух копов, то снисходительно наливает нам кофе. Но важно ли это? Не думаю, более важным делом, является лицо напротив – Бэтси. Я спрашиваю ее, как ей книга?

Лучше бы ты рассказал о своей жизни. И это верно?

Все происходит крайне романтично, каждая минута моего бытия изобилует сладкими ощущениями, ничто меня не тяготит, в моей жизни нет горестного, и в этот момент, когда мы с Бэтси сидим в забегаловке, которая пропахла потом людей разного сорта, и я спрашиваю ее о книге, я не чувствую ничего плохого. И должен ли?

– Крайне философская, даже если Чарльз ее одобрит, даст указы художникам, коррективовщикам и, наконец, как всегда эти книжонки будут пылиться на никому не нужных стендах. – Ответила она.

– Да, но ведь автор неизвестен, как же контракт?

И тут подходит официантка, льет кофе в опустевшую кружку. И я пробуждаюсь вновь в редакции.

Я оглядываюсь на кабинет директора, черный силуэт несколько активничает. И, думаю, настал момент услышать его мнение. Я вхожу в кабинет, и Чарльз, в запотевших очках, стоит перед своим столом, словно он пришел к самому себе.

– Черт. Этот парень, или девушка, чертовски гениален, ну, или гениальна.

– Значит вам понравилось. – Не успел я это сказать, как вдруг он меня перебил.

– Да, если это прочитают люди...

Я снова сплю. И снова пробуждаюсь.

Бэтси снова смотрит на меня, и потом прибавляет:

– И, конечно же, это ведь моя работа, рисовать обложки этим книжонкам.

Я киваю. И вновь закрывая глаза, я оказываю рядом с директором.

– ... Многие, более перспективные авторы точно захотят быть изданными нами.

И я киваю в ответ ему.

И, пока официантка лихорадочно снует по забегаловке, я пронзительно смотрю на Бэтси, и спрашиваю ее:

– Неужто столько шуму может произойти, ажиотаж и так далее...

– Ты о чем? – Вдруг спросила она.

– ... Думаю эта книга нашумит, точно нашумит. Ну если, автор назовется. – Отвечаю я.

– Нет, лично я думаю, что нет, не так уж и хороша она, попросту бессвязный трагичный опус. Мне больно, мне плохо. Таких много, поверь, и из их книжонок ни черта не выходит.

Иногда ее волшебные слова, в редкие удрученные минуты, всегда поднимали мне настроение, но сейчас ведь иной случай.

«Всякий раз я утверждаюсь в правоте чарующей бархатной ночи, в ее непостижимом влечении успокаивать, придавать смысл человеческой потребности. В такие моменты я думаю, ночь ли породила сон? или сон породил ночь?»

– Хорошо, что у тебя иная оценка книги. – Заметил я.

– И почему же, Джим? – Спрашивала она.

Я слышу нелепое фырканье своего босса. И правда, почему же?

Без разницы. Я оказываюсь в окружении своей мебели, понурого света, и окутанный в одеяло. В истинный момент, который предвещало утро, я засыпаю детским, глубоким сном.

Но что случилось в разговоре с боссом?

После кивка, Чарльз подправляет толстым пальцем очки. Судорожно размахивает руками, словно отбивается от одичалой стаи птиц, и спроваживает меня из кабинета. Через

жалюзи, будучи уже снаружи кабинета, я вижу как он ненасытно вчитывается в книгу, посланную мне, неизвестно кем. Это на самом деле феноменальный момент, чуждый до безобразия. Лишь раз, этот старый так восхищался чем-то. И тогда это было его пьеса.

Бумага скреплена разноцветными скрепками, полупрозрачным и размытым шрифтом написано:

Благодарность самому всевышнему? Не помню.

Он не обременял себя таковым занятием – покупать чернильные ленты для пишущей машинки, поэтому текст был читаем лишь до сороковой страницы.

Благодарность самому всевышнему – Пьеса повествовала о мальчике, убежавшем из дома, и, по престранным причинам, мгновенно очутившись заблудшим в лесу, а позже и вовсе, этот неизвестный мальчуган, чей рок жизни направил его напрямиком в неизведанные дебри, встречает АНГЕЛА.

– Да, он тогда встретил ангела. – Говорю я.

– Ну и глупость же, он разве религиозно фанатичен? – Спрашивает Бэтси.

И случилось чудо, ангел не начинает назидательно твердить, и не направляет мальчугана обратно к семье. Что он делает?

Согласно моему опыту, любая трагедия кончается еще большей трагедией.

– Он так и написал? – Спрашивает она.

– Да, прям так и написал.

– И он хотел, чтобы ее сыграли?

На пути к второсортной морально устаревшей пьесе, Чарльз задумался о реализме.

Вчера я провел свой вечер с Бэтси, сегодня провел вечер с Бэтси, и, разумеется, завтрашний вечер проведу с Бэтси. Сумбурность книги, неисчерпаемая неясность того, что делать с ней, все это стало тяготить меня, я, будто бы сам написавший ее, с полной определенностью желал, чтобы ее прочитали сотни, быть может, миллионы людей.

Реализм Чарльза подразумевает еще больший религиозный абсурд, создаваемые неудобства сюжетом, исключаются еще большим повествовательным диссонансом. Бравый ангел лишь явился к замороженному своей мещанской, и, видимо, очень досадной жизнью, – пареньку, после...

– ...Просто бросает его на произвол своего выбора. – Говорю я.

– Значит, сказав, что он фанатичен, я была неправа. – Процедила она.

– Довольно таки умно, он отождествил этим всю суть христианства, думаю. – Заметил я.

Мы сидим в той же любимой нами забегаловке, вопрос в том, почему она так сильно нам симпатична? Эти вопросы тезисно были активны в книге неизвестного автора: Он раскрепощал извечные феномены, показывал их метафизическую суть. Но пора забыть о том, что он написал, стоит подумать увидит ли все это люди.

Чарльз человек высокомерный и любящий высокопарные изречения, зная его, вы бы никогда не представляли актуальное описание обаятельным. Но этот человек, безусловно, разумный и понимающий. Стоило мне только восхвалить этот полемичный роман, я сразу подумал об одном: Будет ли он завидовать?

Зависть. Под таким подзаголовком идет третья глава. Неистовый поток слепой любви к ненависти, парадоксальный взгляд на существующие проблемы. Читатель – не должен будет, если, конечно, все пройдет гладко, понимать такие чуждые для него понятия, для этого существует видимость книги, прекрасный стиль, колебания между совсем заумными и обыденными словами, ретивость и безмятежность, все это – люди увидят. Поймут ли? Неизвестно, но безусловно ощутят. Чувства. Четвертая глава книги. Слабость. Пятая глава книги. Все шло, будто бы проясняя фундаментальные явления.

– Забудь о ней, автор неизвестен ведь, вряд ли мы ее издадим. – Сказала она, отчего мне стало тошно, книга была послана мне совсем врасплох, не давая время подумать о ней в правильный момент.

Я несколько побледнел, об этом сообщила Бэтси, озаренная в лучах запыленных ламп.

– Что тебя такого может тяготить, Джим? – Твердила она, – Что, из-за книги? Я и не думала, что тебя это так задело. Весь бледный стал.

Я иссушаю легковесным глотком всю кружку с кофе, параноидально осматриваюсь вокруг, и начинаю говорить:

– Думаю, ты права, не стоит об этом говорить. Книга то, не мной написана, так? Чего заводиться.

И вдруг она безразлично отвечает:

– И правильно, Джим.

Официантка без усталости ходит по заведению. Я спохватился и сказал Бэтси, что пора уходить, в обреченный момент то место стало претить.

Застой, слово определяющее нынешнее мое состояние, книга настолько мне симпатична, и настолько сильно импонирует мне неизвестный автор, что вместе с ним, – а переживает ли он? – держусь за триумф книги. Но, разумеется, ничего не будет. Конвейер не запустит целый поток книг, на которых будет лишь название. Чарльз минует любой риск, бесцельно. Права ли Бэтси, в том, что надо бы принимать эту книгу как очередную, прав ли я, когда аналогичные волшебные слова сплывают в моем рассудке, точно не знаю.

Теплая бархатная темнота, угасающий жар дня, витает вокруг, Бэтси, озаренная мягким светом фонарей, говорит, что ей пора. И мне, так же, пора.

Я близок с ней настолько, насколько позволяет мой характер, насколько позволяют мне мои нервы. Подумать только, все вправду, сотрудник упаднического издательства живет в уважаемом доме, посреди одноэтажной Америки. Эпоха великих закончилась, – думал я, – Как вдруг появился ОН.

Подсознательно я верил в изящные грезы о величии времени, неизвестный автор определенно будет великим. В моих силах лишь запечатлеть себя.

Я прихожу домой, смотрюсь в зеркало. Важно ли то, что я рыжий? Вполне привлекателен, и вполне умен. Все шедевры создаются без на то цели, попросту из случайности?

Окутываясь сонливым течением дуновений, я поглощен своею кроватью.

Вот он, грязный и порочный сон, где мое тело сносит волной пленительного ореола, где мои слова – словно выгравированы на лбах сотни людей – всем приятны, всеми в почете.

Завидует ли Чарльз? Зависть. Я боюсь ее, и не понимаю. Кумиры всегда достигаемы, но мало кто действует.

Самый трагичный день. Пятница. Навсегда оклеветала себя, как худший день недели в моей жизни. Тот день, когда я хожу понурим. Стоило бы уже исключить из своей памяти запечатлевшуюся драму. Мой отец погибает весьма смирно, словно к этому был подготовлен. Из жизни уходит наилучший человек, которого я знал, от которого я перенял множество идей, который сформировал мою личность, который был близок со мной, более всех. Это было не так давно, за неделю до того, как я вступил в ряды редакторов нашего издательства. Помню улыбку Чарльза, как он с большей охотой слушал именно себя, нежели меня. Миловидный взор Бэтси, и других ныне коллег. Но именно она привела меня в чувство. Она вытащила меня не из простой скорби осмысленности, а из настоящей паразитирующей, прожигающей депрессии. Отец всегда хотел, чтобы я стал журналистом, но я ослушался. У меня нет таких навыков, которые требуют журналистика. Но быть близко к этому, и была приоритетной задачей, столь косвенного принятия стать редактором.

Снова возвращаюсь к пятнице. Задолго до этого у отца диагностировали опухоль, размером чуть больше, допустимой к оперированию. Самозабвенное и безотрадное ожидание неиз-

бежного. И вот, клейменный меткой сжигающей время, но одновременно придающий большую ценность минутам, он старательно насыщается жизнью. Он был молод сердцем, решителен и амбициозен. Надоев ему вся сутолока авантюризма, покинула его любая воля к жизни, и он опустел, восседаая у телевизора, взирая на телепередачи. Так и было, прожил он достаточно, и достаточно созидал, и логичный тому конец, – усталость от жизни.

Следующий день показался кошмаром наяву, но с непостижимой опустошенностью.

Работа. Отворяется дверь в кабинет Чарльза, из створок которого тянется рука, он подал мне знак, и я ринулся туда. Он стремительно падает на кресло, некогда инфантильно ценивший лишь свои произведения, вдруг вновь разродился ни чуть не завидными словами о книге.

Он спрашивает меня, какова итоговая оценка книги. Я отвечаю, что она чересчур шикарна. Он делает кивок и говорит, чтобы я не беспокоился. Я мог испортить все упоминанием того, что публиковать ее – незаконно, но он и так отлично это знал. Вот он и выкрутился.

– Имя автора придумаем, он сам чего хотел?

Я согласился. Вправду, тот человек вряд ли ожидал, что на прочтении моем все и окончится. И это ни чуть не странно, я знаком с множеством людей, которые, не зная меня в лицо, точно знают, где я работаю.

– Только один вопрос. Тебя не смущает все это? – Вдруг сменив тон, спросил он.

– Могло бы. Если бы я не афишировал везде, кем я являюсь. – Ответил я.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.